

В. МАХЕК

СЛАВЯНСКАЯ КЛЕТЬ И ЕЕ НАЗВАНИЕ

Задача современного исследования славянских древностей заключается в детальной разработке синтетического учения Любора Нидерле¹ не только в той его части, где оно обращается к изучению материальной стороны, но и в отношении языка.

Если археологи и этнографы оказываются в затруднительном положении при объяснении возникновения отдельных явлений материальной культуры, они обычно обращаются к языкознанию, связывая происхождение предмета с происхождением его названия. При этом суждения языковедов приобретают большое значение, и тем хуже для науки, если они несостоятельны. Мы позволим себе показать это на примерах терминов, обозначающих части жилого дома или же самый дом.

Славянский термин *jъstъba*, обозначающий отапливаемую избу, являющуюся главной жилой частью дома, большинство языковедов объясняло как германское заимствование (*stuba*). С этим мнением вынужден был согласиться и Нидерле. Так называемый трехчастный славянский дом (т. е. состоящий из избы, сеней и чулана) он считал перенятым от германцев, из франкской империи, хотя единственным доводом в пользу этого было мнимое происхождение слова *jъstъba* из германского *stuba*. В то же время некоторые факты из истории реалий, например славянское происхождение печи и ее названия, прямо противоречат этому предположению, на что указывал и сам Нидерле. Отдельные исследователи не верили в германское происхождение слова *jъstъba*, так как другие слова, несомненно заимствованные из германского, в славянском языке никогда не развивали *jъ* или *i* перед *s*. Эти исследователи считали, что *jъstъba* заимствовано непосредственно из романской языковой области и что (*jъ*) является заменой романского безударного начального *e*. Позволю себе заметить, что я склонен разделять второй взгляд и что мною предложена и новая этимология романского слова (~франц. *étuve*)²: оно происходит не из **extūfa* (как полагал Мерингер и после него все остальные), а из **aestuva*, являющегося результатом сокращения латинского *aestuārium* (от *aestus* «жарко, жар»). Староримское подпольное отопление посредством «гипокауста» стало известно не только германцам, но и славянам — из Италии, а может быть из балканских провинций, через пленных солдат, торговцев, разных странников и путешественников. В настоящее время археология признает возможность торговых и культурных сношений между Русью и Римской империей. Если это действительно так, то гипотеза о франкском происхождении славянского трехчастного дома (для которого характерна именно «теплая» изба) должна быть оставлена.

¹ См. L. Niederle, *Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů*, Praha: díl I, svazek 1—1911; I, 2—1913; II, 1, 2-е изд. —1924; III, 1—1921; III, 2—1925.

² См. V. Machek, *Quelques mots slavo-germaniques, «Slavia», ročn. XXI, seš. 2—3, 1953, стр. 275—286.*

Обычный славянский дом формировался без германского влияния. Герм. **hāsa* (др.-верх.-нем. *hūs*, теперь *Haus* и т. д.) можно считать, даже при неясности некоторых деталей фонетического процесса, источником славянских форм *chysъ*, *chysa*, *chyzъ*, *chyga*. Это слово обозначает у славян домишко, убогий, ветхий дом, хибарку, лачугу, чулан, оно не простой синоним слова *domъ*. По-видимому, хотя славянам и было известно германское слово, но германские дома того времени казались им более ветхими и не могли быть для них образцом чего-то более совершенного, достойного подражания. Мы встречаемся здесь с известным явлением, когда народ употребляет иностранные слова, подчеркивая негодность или ветхость предмета (например, чеш. диалект. *čůcha* «грубый заменитель обуви» из нем. *Schuh*).

Точно так же происхождение помещения для скота (хлева) может быть объяснено иначе, чем это делалось до сих пор. Единственное, чем могли здесь руководствоваться археологи, была этимология слова, по нашему мнению, ошибочная. Языковеды искали до сих пор происхождение этого слова в готском языке, а именно или в гот. *hlīja* «*εκλύη*» («палатка, лачуга»), или же в гот. *hlaiw* «*μνημειών*», «*τάφος*» («могила»). Первое предположение неудовлетворительно ни с фонетической стороны, ни по значению. Второе же нельзя принять хотя бы потому, что трудно усмотреть какую-либо связь между понятиями «могила» и «хлев». Очевидно, Нидерле имел основание выразить свои сомнения относительно связи названия славянского хлева с *hlaiw*¹. Нидерле считал, что предположение, будто бы славяне в первые века н. э. копали по немецкому образцу такие напоминающие могилы ямы для скота, совершенно противоречит данным археологии. Кроме того, остается неясным, как могло *hlaiw* в эпоху Вульфилы стать обозначением только могилы, если несколько раньше это название перешло к славянам в значении жилища, приюта для людей и животных. Мы бы предложили сопоставить слово *chlěvъ* с лат. *caulae*, имеющим то же значение. Если мы примем переход *k > ch* (наблюдающийся в целом ряде других случаев) и перестановку сонантов *l* и *v* (как известно, сонанты легко подвергаются таким перестановкам), то фонетически не соотнесенными останутся лишь *ā/e*. Перестановка и различие *ā/e* могут указывать на субстратное происхождение слов *chlěvъ* и *caulae*. Ср. различие в слав. *gъra* и в лат. *gъpa* с тем же значением. Здесь, как и у многих других названий растений, фонетические различия, по всей вероятности, объясняются принадлежностью этих слов неиндоевропейскому языковому субстрату². Связь *chlěvъ/caulae* свидетельствует о том, что предки славян и латиняв восприняли устройство хлева от более древнего, неиндоевропейского населения Европы, от тех земледельцев и скотоводов-аборигенов, которые впоследствии были покорены воинственными индоевропейскими племенами. Таким образом, пересмотрев вновь соответствующие термины, можно до известной степени осветить процессы развития славянской материальной и духовной культуры. Приведенные примеры обязывают нас сделать это и в отношении других терминов.

В настоящей статье мы хотели бы заняться исследованием названия славянской клетки. Слово *klětъ* у древних славян означало — как и до сих пор *klėtis* у литовцев — самостоятельный рубленый из добротных бревен домик без окон, с крепкой крышей, служащий прежде всего складом съестных припасов и мелких хозяйственных предметов. Он хорошо защищал от непогоды, различных грызунов, насекомых, летучих мышей. Постройку располагали на крестьянском дворе таким образом, чтобы она

¹ L. Niederle, указ. соч., I, 2, стр. 809.

² См. V. M а с h e k, указ. соч., стр. 266—267.

была на виду, на небольшом расстоянии от жилого дома, что делалось из опасения воровства (ср. современное расположение клетки, например, в валашской области — восточная Моравия)¹. В клетки находились наиболее ценные запасы, клеть была центральной кладовой и местом, где хранилось «достояние» всего дома, всей семьи. В этом первоначальном виде она еще сохранилась во многих местах². Приведенное описание можно уточнить некоторыми подробностями. Так, можно полагать, что пол клетки сначала немного возвышался над уровнем земли или двора благодаря наличию вертикальных столбов, на которых стояла вся постройка. Этих столбов могло быть четыре, реже два и иногда один³. Высота их, первоначально составлявшая приблизительно 1—2 м, со временем снижалась, пока, наконец, от них не остались под каждым углом домика врытые в землю чурбаны высотой около 30 см.⁴ Вместо них мог быть и кирпичный фундамент⁵. В клетки делали, хотя и не всегда, потолок, так что пространство клетки разделялось на нижнюю часть под потолком (более сырую и холодную) и на верхнюю («чердак»), находившуюся между потолком и крышей (более сухая часть). Крыша была добротной, чтобы воры не могли ее проломить: старые типы клетки имели так называемую слеговую крышу, где основание кровли образуют слези — длинные, горизонтально расположенные бревна, концы которых лежат на бревнах передней и задней стен. В слеговой крыше отсутствуют какие-либо столбики, сохи, кроквы. Зеленин указывает, что крыша этого типа особенно часто встречается у белорусской клетки⁶.

Клеть была не только кладовой; она издавна служила (особенно ее верхняя часть) и для другой цели: в ней стояла кровать, на которой спали девочка-подросток (дочь хозяйина) или молодожены (женатый сын хозяйина со своей молодой женой). Это назначение клетки известно всем славянам, а также балтам; в литовских и латышских народных песнях клеть очень часто упоминается как спальня молодой девушки или молодой четы.

Так выглядела обычная клеть, которая встречалась в обширных крестьянских дворах, с трех или четырех сторон окруженных полем или садом. Однако в тех местах, где начинали экономно пользоваться землей, при так называемом «уличном» типе деревень, или там, где не хватало строительного материала, а также в бедных хозяйствах, клеть — первоначально самостоятельная постройка — пристраивалась к сеним жилого дома в виде «чулана». Вместе с жилой избой и сенями (где находилась «черная кухня») она составляет тот трехчастный дом, о котором упоминалось выше. Для клетки всегда характерно отсутствие очага: это холодное и очень темное помещение. Иначе и быть не могло, так как запасы могли бы испортиться.

Самостоятельная клеть иногда утрачивает свою первоначальную функцию. Так, в сербских задругах *клет* (*клијет*) становится отдельным жилым домиком для семьи женатого сына начальника задруги. «Сколько женатых задругарей, столько клеток стоит вокруг родного дома (кучи); их назы-

¹ См. A. V á c l a v í k, Luhačovské zálesí, Luhačovice, 1930, стр. 117.

² См.: L. N i e d e r l e, указ. соч., 1, 2, стр. 748—774; D. Z e l e n i n, Russische (Ost-slavische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927, стр. 285; K. M o s z y ŋ s k i, Kultura ludowa słowian, część I, Kraków, 1929, стр. 55.

³ См. K. M o s z y ŋ s k i, указ. соч., стр. 504 (а также рисунки).

⁴ См. там же, стр. 481, 528, 543.

⁵ См., например, рисунок К. Мошинского (указ. соч., стр. 539): под каждым углом клетки вместо столба находится квадратное основание со сторонами шириной в $2\frac{1}{2}$ кирпича (около 80 см); на другом рисунке показана клеть с целым фундаментом из камня (стр. 528).

⁶ См. D. Z e l e n i n, указ. соч., стр. 266.

вают иначе *vajat* или просто *зграда, колиба, стаја*; они бывают обыкновенно без очагов¹. В Чехии клеть становится жилищем для старого хозяина, который передал двор собственности сыну, а сам с женой удалился «на покой». В других местах это название переносится на убогие, ветхие домишки вообще, на «предсенник» и на подклеть, т. е. погреб или подвал. Само название *klěť* в некоторых местах исчезает, уступая место иноязычным словам: у западных славян для обозначения самостоятельной клетки преобладает немецкое название *Speicher* (откуда чеш. *špejchar*, польск. *śpichrz* и т. д.). Для обозначения клетки, пристроенной к сеним, чаще встречается слово *komora*.

Клеть известна всем славянам как исконная часть сельского двора; она имеет почти повсеместно распространенное общее название. Это говорит о том, что клеть была известна уже праславянам и что название *klěť* праславянское. Та же постройка и *mutatis mutandis* название существует и у балтов. Подобная постройка встречается и у северогерманских народов, где она называется *bûr*, у эстонцев (*ait, kenos, çom*), у поволжских финнов², у венгров, а также в Северной Азии³.

Вместе с постройкой славянское слово *klěť* проникло в некоторых местах и к немцам: из него возникло ср.-верх.-нем. *glēt* «хибарка, чулан, подклеть»⁴.

Происхождение клетки как домика для запасов имеет два источника. Этнографы говорят, что она является последней ступенью эволюции северных (угро-финских и сибирских) помещений, приспособленных для хранения съестных припасов. Первоначальным наиболее примитивным способом хранения съестных припасов (мяса пойманных животных) было хранение их на ветвях дерева; при этом с нижней части ствола сдиралась кора, чтобы хищные звери не могли влезть наверх. Для этой же цели прикрепляли горизонтальный квадратный помост под ветвями. Из этих помостов (доштых площадок), помещенных на стволах деревьев, впоследствии получились лабазы на столбиках; дерево над помостом срезалось, помост становился полом плетеного или рубленого помещения для хранения, большего или меньшего размера. Впоследствии крытое помещение становится лабазом для хранения не только съестных припасов, но и одежды, орудий и других предметов. Мнение, согласно которому клеть ведет свое начало от постройки типа бани, ошибочно⁵. Лабазы на деревьях являются до сих пор характерными постройками в лесистых местностях Северной Европы, т. е. в финских, карельских, лапландских областях и в Сибири⁶. Они находятся иногда довольно далеко от жилища владельца (вплоть до нескольких сот метров); несмотря на то, что в них хранятся порой очень ценные вещи, на них не бывает замков, так как в этих краях нет воровства. Войти в клеть, однако, не трудно; под клетью

¹ L. Niederle, указ. соч., I, 2, стр. 754.

² См. там же, стр. 758.

³ См. H. Winkler, Zur Völkerkunde von Osteuropa, Breslau, 1912 (Beilage zum Jahresberichte des Johannesgymnasiums zu Breslau), стр. 27.

⁴ Ср. M. Lexer, Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, 27-е Aufl., Leipzig, 1953, стр. 74.

⁵ См., например, у Ф. Апенкова («Русское народное зодчество в Западной Сибири», б. м., 1950, стр. 31): «Образуемый из ряда венцов сруб (стопа), оборудованный окнами, дверью, полом и потолком, дает клеть — своеобразный укрупненный модуль древнерусского гражданского строительства».

Первую жилую ячейку можно, пожалуй, видеть в крестьянской бане, напоминающей своим низким срубом, отапливаемым «по-черному», грубо сложенной каменной, старинную курную клеть в миниатюре. Те же волоковые окна, те же отсутствие перегородок, делящих помещение на части. Часто отсутствует двускатная крыша».

⁶ См. U. T. Sirelius, Jagd und Fischerei in Finland, Berlin — Leipzig, 1934, стр. 22.

лежит на земле обрубкой ствола с нарезками, представляющими собой примитивные ступеньки (см. рис. 1), который может быть приставлен любым прохожим к двери этой клетки.

Возникновение такого лабаз в лесистой местности — вполне естественное явление. Это изобретение людей, живущих в лесу и промысляющих охотой. Лабаз переняли другие жители лесных местностей, например

Рис. 1. Остяцкий лабаз для хранения продуктов, устроенный на столбах (Ашпенков, Русское народное зодчество в Западной Сибири, стр. 65)

лесорубы, и перенесли его ближе к сельским постройкам; при этом ствол дерева или столбики постепенно понижались и превратились, наконец, в низкие чурбаны или камни призматической формы для фундамента. Однако общий вид сельских клеток так явно приближается к северным лабазам на деревьях, что связь между ними совершенно очевидна. Из этого следует, что славянская клеть возникла в лесу, а не в болотистых краях или на открытой местности.

Название *klětъ* до сих пор еще не было удовлетворительно объяснено. Последнее толкование этого слова в этимологическом словаре Фасмера допускает родство с литов. диалект. *klaimas*¹ «сарай», «амбар» (это слово

¹ См. М. V a s m e r, Russ. etym. Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1953, стр. 569.

сохранил только Гейтлер¹), которое само по себе неясно. Далее допускается — разумеется, предполагая так называемое «чередование гортанных» (т. е. индоевропейское *k'* наряду с *k*, что должно было бы дать литов. *š* рядом с *k*), — родство с литов. *šlītė* «лестница», *at-šleimas*, *at-šlaimas* «передний двор», греч. *κλισίδ* «палатка», «избушка», лат. *clitellae* «выжочное седло», ирландск. *clíath* «плетень», «вязанка хворосту», гот. *hleifra* «палатка, хибарка», др.-верх.-нем. *leitara* «лестница». На первый взгляд кажется, что сопоставление слов со значением «палатка, хибарка» не должно вызывать сомнений. Однако дело осложняется тем, что указанное сниженное значение, которое иногда имеет славянское слово *klěť*, является вторичным и поздним. Впрочем приведенные иноязычные слова (за исключением *klaimas*) являются производными от корня *k'lei-* «клонить», звуковой состав которого не допускает сопоставления со словом *k'lěť*. Готию связывал слово *klaimas* с латыш. *klīt* «рассеяться» (перен.) и с некоторыми другими словами², хотя здесь также нельзя усмотреть возможности существования какой-либо семантической связи с *klěť*. Следовательно, этот путь должен быть оставлен. Для объяснения этимологии слова *klěť* следует привлечь иные сопоставления.

Уменьшительное **klěťka* или **klěť'a*, **klěť'ka* обозначает у славян не только маленький домик или маленький чуланчик, но и клетку для птиц, ср. чеш. *klec*, ст.-чеш. *klěcka*, словац. *klietka*, луж. *klětka*, польск. *klatka*, русск. *клетка*, болг. *клет(ка)*, укр. *клітка*, сербо-хорв. *клијетка*, словин. *kletka*. Знаменательно, что для птичьей клетки нет другого термина, производного от слова, обозначающего какую-нибудь иную постройку (например, от слов *домъ*, *chужа*, *chata*, *koliba* и т. д.). Это можно хорошо объяснить, имея в виду один карельский обычай. Карельские охотники держат живых птиц в помещении, очень наподобившем лесную клеть, только совсем маленькую. Сходство действительно разительное: «клетка» стоит на высоте приблизительно 2 метров над землей, на одном-двух стволах, обрубленных на этой высоте; она представляет собой миниатюрный сруб из коротких бревен, крытый сверху (рис. 2). В упомянутой книге финского этнолога У. Т. Спрелиуса имеются два рисунка таких «клеток», сделанные по фотографии. Один из них с берегов реки Пинеги в бывшей Олонецкой губернии. Эта миниатюрная постройка служит помещением для содержания птиц и является, безусловно, прямым предком нашей птичьей клетки — легкой, переносной, но имеющей все то же основное назначение — служить местом «заклечения» птиц.

Другая разновидность постройки показана на рис. 3а. Это голубятня из Румынии. Рисунок во многом напоминает примитивное помещение для содержания живых птиц, изображенное на рис. 2. Только опорный столб (первоначально ствол дерева, у которого была срублена крона), а также и само помещение, в котором содержат птиц, здесь немного выше. Существуют и другие, более развитые формы такого типа постройки. В Чехословакии такая голубятня стоит на высоком столбе, а будочки для голубей делаются ужé не из прутьев (как в Румынии), а из искусно сделанных дощечек одного размера (рис. 3б). Их происхождение от более примитивных построек для содержания птиц очевидно, хотя они ужé не носят названия *klec*. Мы считаем, что и славянская клеть (большая) возникла под непосредственным влиянием описанной примитивной постройки. Простые деревянные и плетеные лабазы, поставленные на столбах, постепенно принимали вид примитивных птичьих «клеток» (помещений, где содержали птиц), т. е. вид маленькой бревенчатой постройки. Оба

¹ L. Geitler, *Litauische Studien*, Prag, 1875, стр. 91.

² См. Р. Готто, Литовские этимологии, «Сб. статей, посвященных... Филиппу Федоровичу Фортунатову... 1872—1902», Варшава, 1902, стр. 401—403.

рода построек объединились в представлении славян — они имеют одно название, причем меньшая постройка обозначена, естественно, словом уменьшительного образования. Итак, славянская клеть возникла из двух источников: из помоста для хранения запасов и из примитивной птичьей клетки.

Рис. 2. Карельская баня и клетка для пойманных птиц (по фотографии У. Т. Сирелиуса)

Поскольку славянская клеть по своему устройству гораздо ближе к помещению, в котором охотники держали птиц, чем к примитивной площадке и корзине для хранения съестных припасов, я считаю, что истоки названия *klětʹ* надо искать в названии этой охотничьей постройки для содержания птиц. Попробуем проанализировать слово *klětʹ* с этой точки зрения.

Прежде всего обратим наше внимание на балтийские названия клетки (литов. *klėtis*, латыш. *klēts*). Их обычно считали славянскими заимствованиями¹, хотя этому противоречит интонация балтийских языков (в заимствованном слове в литовском языке должно было бы быть *ē*, но здесь постоянно встречается *ė*). Это обстоятельство дало основание Эндзелю считать слова *klėtis* — *klětʹ* прародственными, восходящими к одному источнику². Это же мнение относительно соответствующего латышского

¹ См.: А. В р ü c k n e r, Die slavischen Fremdwörter im Litauischen, Weimar, 1877, стр. 94; А. L e s k i e n, Die Bildung der Nomina im Litauischen, «Abhandlungen der phil.-hist. Kl. der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. XII, Leipzig, 1891, стр. 235; R. M e r i n g e r, Wörter und Sachen, «Indogerm. Forschungen», Bd. XVI, Heft 1—2, 1904, стр. 124; А. П р е о б р а ж е н с к и й, Этимологический словарь русского языка, вып. V, М., 1912, стр. 319; Е. В е р н е к е r, Slav. etym. Wörterbuch, Bd. I, 2-e Aufl., Heidelberg, 1924, стр. 518.

² См. И. Э н д з е л и н, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 197.

слова находим в его латышском словаре¹. В настоящее время этот взгляд разделяет и Фасмер². Данная точка зрения является единственно правильной, так как свидетельство интонации бесспорно и не допускает сомнений. Таким образом, возникновение рассматриваемого слова отодвигается к балтийско-славянскому периоду. Славянское *ě* в таком случае мы дол-

а

б

Рис. 3. Голубятня а) из Румынии (Paparagi, *Ymages d'ethnographie roumaine*, III, стр. 112), б) из Моравии (по современной фотографии)

жны понимать как исторический вариант звука **ē*, а не **oi*, так как балтийское *ē* соответствует индоевропейскому *e*. Итак, мы получаем «балтийско-славянское» слово **klētis* с ударением на *ē*.

Что касается образования слова, то естественно считать *-ti-* суффиксальным элементом, как это и делалось раньше. Основу **klē-* можно связать с индоевропейским корнем **klēu-*, значение которого («ограничивать кого-нибудь в движениях, сжимать его, теснить, *comprimere, constringere*») легко соотносится с представлением об охотничьей клетке, поскольку находящиеся в ней птицы действительно совершенно «ограничены в движении». Дифтонг *wei* редуцировался в *ē*, т. е. потерял свой второй компонент, что часто наблюдается у долгих дифтонгов. Нулевая ступень, которую мы были бы вправе ожидать перед суффиксом *ti*, здесь не представлена. Возможно, это означает, что в то время, когда возникло слово **klētis*, ослабление корня перед *ti* уже не было обязательным.

Корень *klēu-*³ представлен в славянских языках и другими формами,

¹ См. К. М *ū* l e n b a c h s, *Latviešu valodas vārdnīca, red., papild., turpin. J. Endzelīns, sēj. II, Rīga, 1925—1927, стр. 225.*

² См. М. В а с м е r, указ. словарь, стр. 569.

³ См. о нем J. P o k o r n y, *Indogerm. etym. Wörterbuch, Bern, 1953—1956, стр. 604.*

сохраняющими его первичное значение. Это прежде всего слово *klevy* (plur. tantum). Насколько я могу утверждать, оно сохранилось в виде реликта только на территории чешского языка, а именно в его северо-восточном, окраинном, диалекте. Слово обозначает капкан для ловли зверей, который действительно «зажимает» пойманного зверя (обыкновенно его лапу). Это, несомненно, поствербальная форма от глагола *kleviti* < **klěviti*.

Глагол *kleviti* представлен также в северо-восточном (крконошском) наречии в виде возвратного глагола *kleviti se* «ежиться, пожиматься (от холода, боли)» и отглагольного образования *sklevenýj* «сгорбленный». Поскольку рассматриваемый глагол и слово *klevy* сосуществуют в пределах одного наречия, нет сомнения в том, что оба слова связаны друг с другом, тем более, что *kleviti se*, собственно говоря, означает «сжиматься». Интересно, что в глаголе **lěviti*, который является своего рода семантическим антиподом глагола **klěviti* (укр. *lěviti* «дать поблажку», чеш. *po-leviti* «ослабеть», «утихнуть»), представлено сходное фонетическое развитие. Соответствующий литовский глагол звучит *liáuju* (*liáuunu*), *lióviau*, *liáuuti* (ср. *kliáuju*). Эта пара корней с долгим дифтонгом, *klevu-* и *lěu-*, со взаимно противоположным значением, хорошо демонстрирует фонетическое развитие дифтонга *eu* (других примеров, настолько же прозрачных в фонетическом отношении, почти нет).

Рефлекс того же корня встречаем в славянских названиях западни, которая также «зажимает» животных, крепко их держит; ср. чеш. *klepес*, польск. *klepес*, русск. *клянец*, словац. *klepес*, *klopес*, *chlopес*, *šlopес* (западня для ловли медведей). Вероятно, и здесь был сначала корень *klevu-*, но уже в праславянскую эпоху его заменял корень *klep-*, закрепившийся в некоторых формах. См. также *klepeto* «клевня» (клевня сжимает, стискивает пойманную добычу).

Сходное значение имеет греч. *κλειός*, *κλωός* «оковы на шее преступника», «ошейник для собак». Некоторые ученые сомневаются в его родстве со слав. *klěť*, но мне кажется, что эти сомнения напрасны. Старейшая форма греческого слова *κλωφίός* соответствует славянскому корню как по форме (*би* под аблаутом), так и по значению (речь идет о предметах, стесняющих свободу движений тех, кто их носит). Может быть, сюда можно отнести и позднее *κλωβός* «птичья клетка».

Греческий глагол *κλείω* (*κλήω*, *-κλήω*) имеет значение «закрываю; запираю на деревянный засов, на ключ». То же основное значение (разумеется, с некоторыми оттенками) имеют производные от него приставочные глаголы: *ἀποκλείω* «загораживаю, не допускаю», *ἐκκλείω* и *παράκλείω* «исключаю, не допускаю», *ἐπικλείω* «прикрываю», *κατακλείω* «закрываю, обхватываю, окружаю», *περικλείω* «окружаю» (например, противника; *Местность окружена горной цепью*). Греческие глаголы несут в себе представление о заключении, лишении свободы передвижения, запираании, а не об «отпираании». Соответствующее существительное *κλείς* (род. падеж *κλείδος*, ион. *κλήϊς*) — это «засов, ключ». Ключ здесь понимается как приспособление для запираания чего-то, что раньше было свободным (но не для отпираания чего-то запертого). То же самое можно наблюдать в лат. *clavis* и *claudō* (здесь *d* можно, вероятно, объяснить, как в *credō* = др.-инд. *śrad dādhami* из **dhē-* «власть», т. е. *clavi-dō* происходит из *clavi(m) dō* первоначально из засовом задвигаю что-нибудь).

В славянском языке есть существительное *kl'učь* и глагол *kl'učiti*. Этот глагол обозначает также «сжимать, ссopimeгe» (а не антоним «освободить»): ср. ст.-слав. *kl'učiti*, *zakl'učiti*, русск. *заклочить*, *исключить*, укр. *заклочити*, белорус. *заклочыць*, сербо.-хорв. *заклочати*, словин. *zaključiti*, болг. *заклоча*, словац. *zakl'učiti*. В чешском языке имеется *klěciti* «сжи-

мать» (например, пальцы: ст.-чеш. *cirogra kliči a zlamuje prsty a články rukú* «болезнь *cheiragra* вывертывает и ломает пальцы и суставы рук»), употребляемое также и в переносном смысле (*kličiti mysl*, откуда *kličiti, skličovati koho* «печалить кого-нибудь»); ср. также *obkličiti* «сingere, окружать» (например, неприятеля; крепость, которую я хочу взять и т. п.). Суффиксальное *č* этих глаголов, скорее всего, является суффиксом *nominis instrumenti* (ср. *bičь* от *biti*). Мы предполагаем приблизительно следующую эволюцию глагола *kľeu-jō*: **kľeu-jō* > **kľ'ujō*, инф. *kľeuti* > **kľ'uti*: от основы *kľ'u-* образуется *kľ'u-čь-*. Наряду с этим существовал глагол IV класса 3-го лица ед. числа (сохранившийся в *kľeviti*) **kľeu-ei-ti* > *kľeviti*. Ввиду того, что записание (дома и т. п.) связано с употреблением ключа, возник новый отыменный глагол от *kľ'u-čь-* (*za*)*kľ'ušiti* и итератив *zakh'ušati*. Итак, первоначальное значение слова *ключ* — приспособление для запирания. Наши современники понимают слово *ключ* скорее в противоположном смысле. Уже чешский словарь Юнгмана определяет ключ, как «приспособление, которым отпирают замок или запор»¹. Современный язык знает *ключ к загадке, ключ для определения растений, ключ к движению сердца* и т. п.

В балтийских языках имеются фонетические соответствия рассмотренных слов, однако прямого совпадения значений не наблюдается. В литовском языке есть *kliáujuos*, praet. *klióviaus*, инф. *kliáutis* (из **kľeu-jō*), что означает уже не «constringere», а «сильнуть», «быть связанным», а также «дружить, относиться с доверием и симпатией к кому-нибудь». Ср. русские глаголы *замкнуть, замыкать* «claudere», но также и *примкнуть, примыкать* (к какой-либо группе, т. е. относиться дружески, преданно). Еще более отошла от первоначального значения форма со слабой ступенью корня, например литов. *kliūvù (kliūni), kliūti*. Для того чтобы объяснить позднейшее развитие семантики этого глагола, обратим внимание на значение, помещенное в словаре М. Нидермана² под номером 2. Глагол *kliūti* означает в этом случае «возбращая», «препятствую» (ср. некоторые приставочные образования с тем же значением от греч. *κλείω*). Имея в виду этот семантический вариант литовского *kliūti*, можно легко объяснить другие его значения, а именно помещенные у Нидермана под номером 1 — «виснуть», «зацепляться», «задевать за что-нибудь», под номером 3 — «быть опасным, неприятным», «являться чем-то злым», под номером 4 — «преодолевать встречающиеся препятствия», «оказаться в неприятном положении». Точно так же объясняется семантическое развитие латышского *kľ'ūt*, значение которого («случайно или против своей воли очутиться в каком-нибудь положении, обычно нежелательном») соответствует 4-му значению литовского глагола. В своем наиболее отвлеченном значении — «стать (кем или чем)» — этот глагол участвует в образовании форм страдательного залога.

В свете этих семантических процессов, представленных у литовских и латышских глаголов, рассмотрим славянское *kľ'ušiti*. Помимо своего первичного значения («conprimere, constringere»), русск. *ключить* имеет значение «включать», «содержать в себе», а также «причинить кому-либо что-нибудь неприятное»; возвратный глагол *приключиться* означает «произойти», «случиться» (о чем-то неприятном или внезапном, неожиданном: *несчастье приключилось*) (ср. 3-е значение литовского *kliūti* по Нидерману). Полагаем, что приведенные глаголы можно связать с *kľeu*-«constrin-

¹ См. J. Jungmann, *Slowijk česko-německý*, djl II, Praha, 1836, стр. 68—69.

² M. Niedermann, A. Senn, F. Brender, *Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, Litauisch-Deutsch*, Bd. I, Heidelberg, 1932, стр. 495.

gege»; однако, заметим попутно, что мы не видим возможности, в отличие от Бернекера, Траутмана, Фасмера, отнести к этой группе слово *kl'uka* (ср. русск. *клюка* «палка с загнутым верхним концом»).

*

Если вышеприведенные примеры правильны, то клеть имеет название, относившееся первоначально к охотничьей примитивной постройке, где держали живых птиц. Название восходит к «балтийско-славянской» эпохе, о которой можно с уверенностью утверждать, что тогда предки славян занимались охотой в лесах. Этим и объясняется своеобразное объединение в качестве двух источников клетки помоста для хранения запасов и примитивной птичьей клетки. Корень в слове *klětъ* имел первоначальное значение «constringere», которое впоследствии дало начало ряду новых, более отвлеченных, значений. Сохранение корня *kleu-* ставит балтийско-славянский язык рядом с латинским и греческим языками, в которых от этого же корня также образовались семьи слов, хотя развитие их значений шло в иных направлениях, чем в балтийских и славянских языках.